

Пути развития Австралии и Океании

История,
экономика,
этнография

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Пути развития Австралии и Океании

История,
экономика,
этнография

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

В. Р. Кабо

ОБЩИНА И РОД У НИВХОВ

До недавнего времени нивхи, жившие в бассейне нижнего Амура и на острове Сахалин, относились к хозяйственно-культурному типу оседлых рыбаков и охотников. Этот тип присваивающей экономики занимает в рамках последней особое место в силу высокоспециализированного характера хозяйства при сравнительно высоком уровне развития социально-экономических отношений и культуры. Для его формирования необходимо сочетание различных особо благоприятных естественно-географических условий, дающих возможность рыбакам, охотникам и собирателям вести сбалансированное хозяйство в условиях почти полной оседлости. С другими народами, ведущими охотничье-собирательское хозяйство, нивхов сближает многое, и прежде всего существование общины — основной социально-экономической ячейки общества охотников и собирателей. В структуре и функциях общины, в соотношении ее с другими общественными формами, такими, как род и семья, отразилось общее, типичное для всех охотничье-собирательских обществ, и специфическое, свойственное лишь хозяйственно-культурному типу, представленному нивхами.

В прошлом для нивхов были характерны небольшие общины. В XIX в. на Сахалине и на материке, по Амуру, часто встречались селения, которые состояли всего из одного или двух домов и насчитывали от 15 до 30 человек. По словам Л. Шренка, 2—3 зимника — среднее число домов для нивхского поселения¹. Такое расселение сохранялось и в первой четверти XX в. Оно, видимо, наилучшим образом соответствовало образу жизни и характеру хозяйственной деятельности нивхов. Вся их жизнь подчинялась определенному ритму, который диктовался сменой времен года и изменениями в природе, имеющими циклический характер. Хозяйственный год нивхов, как и других народов Севера и Дальнего Востока, делился на два периода — зимний и летний, и в соответствии с этим менялся весь образ жизни людей: летом они переселялись из зимних жилищ в летние, причем последние или находились рядом с зимними жилищами в том же поселке, или были удалены от него на сравнительно большое расстояние, иногда в несколько километров. Нивхи, подобно многим их соседям, либо имели два постоянных, от-

дельных сезонных поселения — зимнее и летнее, либо жили в одном месте в течение всего года: зимой — в зимниках, летом — в летниках, и отлучались от селения только во время хода лососевых рыб. Расположение зимних и летних стойбищ зависело от промысловых и географических условий: зимнее селение обычно находилось вдали от берега моря, в месте, защищенном от ветров и метелей, в лесу, ближе к охотничьим угодьям, или на берегу реки, недалеко от места подледного лова рыбы; летнее — в устье реки, куда рыба заходила для нереста, или на морской косе, где нивхи ловили лососей и добывали морского зверя.

Расселение небольшими общинами, отделенными значительными расстояниями друг от друга и ведущими экстенсивное комплексное хозяйство рыболовов, охотников на морского и лесного зверя, собирателей, давало нивхам возможность осваивать оптимальные по своим размерам территории, поддерживая относительно высокий уровень потребления. То, что эти территории не имели четко определенных границ и нивхи, как правило, не вступали в конфликты с соседями, во многом объяснялось особенностями их расселения.

Известно, правда, что во второй половине XIX — начале XX в. некоторые селения нивхов насчитывали до 200 жителей и более. Такие селения возникали в местах, наиболее благоприятных для рыболовства. Численность нивхских общин находилась в тесной зависимости от природных условий, что свойственно всем народам, ведущим присваивающее хозяйство. В обществах такого типа давление избыточного населения приводит обычно не к интенсификации хозяйства, а к расселению, если только существуют еще незанятые территории.

Но, как правило, общины нивхов были очень невелики, а группу людей, живших в зависимости от времени года в зимнем или летнем селении, можно охарактеризовать как отдельную общину. Считать каждую из них отдельным родом, как это делают некоторые авторы, нет никаких оснований. «В огромном большинстве гилацких деревень состав населения смешанный», — отмечал Л. Я. Штернберг, имея в виду их родовой состав². О почти полном отсутствии нивхских селений с единым родовым составом Л. Я. Штернберг писал неоднократно, объясняя это социально-экономическими условиями, в которых развивалось нивхское общество, сложившимися независимо от русского влияния³. Это подтверждает и Ч. М. Таксами: «Большинство нивхских селений было смешанным в родовом отношении»⁴. Правда, сам он причину подобного явления видит в том, что род к концу XIX в. разложился и утратил территориальную целостность, но такое объяснение лишено доказательств. Проживание в одном селении членов только одного рода противоречило бы и самой сущности родовой организации. Ведь род экзогамен и не может состоять из семей. «Никто из членов рода

не может вступать в брак внутри рода,— писал Ф. Энгельс.— Таково основное правило рода, та связь, которая его скрепляет; это — негативное выражение того весьма определенного кровного родства, в силу которого объединяемые им индивиды только и становятся родом»⁵. А селение состоит из семей, которые объединяют людей, происходящих из разных родов, не только кровных родственников, но и свойственников, и представляет собой не род, а родовую общину.

Община как ведущая социально-экономическая ячейка нивхского общества изучена еще далеко не достаточно. Во многом это объясняется тем, что ученые, изучавшие нивхскую общину, по существу, не выделяли ее в качестве самостоятельной общественной формы. Поэтому оказался в тени и весь комплекс связанных с нею проблем, имеющих первостепенное значение для понимания социально-экономических отношений у нивхов.

Даже в работах Л. Я. Штернберга, содержащих классический анализ родовой организации и семейно-родовых отношений у нивхов, данные проблемы затронуты лишь попутно. Зато он глубоко исследовал многообразные родственные и общественные узы, которые привязывали нивха к его роду. Л. Я. Штернбергом установлено, что экзогамия — один из главных признаков нивхского рода. Брак внутри рода был безусловно запрещен. Нивхское общество представляло собой прочную конструкцию, состоящую из отдельных родов, которые были связаны взаимными обязательствами. Каждый род брал женщин из одного определенного рода и, в свою очередь, отдавал своих женщин в другой, тоже точно определенный род. По отношению к одному роду он являлся *ымхи*, т. е. родом зятьев, по отношению к другому — *ахмалк*, т. е. родом тестей. Обязательства, связывавшие членов различных родов, не ограничивались сферой семейно-брачных норм, они распространялись на обширную область многообразных социальных отношений, в этом-то и состояло их значение как системы связей, цементирующих общество.

В соответствии с традицией мужчины брали жен не из того рода, куда их род отдавал в жены своих женщин, а из третьего, и таким образом каждый род оказывался связанным узами брака по крайней мере с двумя родами. Однако в конце XIX — начале XX в. браки на основе трехродовых союзов у нивхов уже почти не заключались, а практиковались взаимные браки между двумя родами⁶. «Частые передвижения и широкие связи при смешанных браках издавна нарушали систему трехродовых союзов»⁷. И это было характерно для всей территории расселения нивхов.

Род у нивхов — отцовский и вирилокальный. Выйдя замуж, женщина переходит в род мужа, отмечают Л. Я. Штернберг и другие исследователи. Слово «род», по-нивхски *кхал*, буквально означает «пожины», «футляр». «Удачный символ единой утробы,

единства происхождения», — замечает по этому поводу Л. Я. Штернберг⁸. Но о каком же единстве происхождения может идти речь, если человек вышел из другого рода? Переход нивхинки в род мужа еще не дает оснований считать ее подлинным членом этого рода. Таковой она является лишь в глазах общества, к которому принадлежит, да и то с известными ограничениями, о которых будет сказано ниже. Научная точность и объективность требуют рассматривать людей, происходящих из разных родов и не являющихся кровными родственниками, как представителей разных родов.

Переход женщины в род мужа имеет формальный, условный характер. В этом случае под словом «род» следует понимать не группу людей, связанных единством происхождения, внутри которой брак запрещен, а нечто другое. По существу, это не род, а родовая община. А ею, как уже говорилось, является селение.

Род и селение не совпадали, и это вполне закономерно. Видимость совпадения происходила из формального перехода женщин в род мужей в тех случаях, когда все мужчины принадлежали к одному роду, но и это бывало не часто. «На западном берегу Сахалина редко найти селение, в котором бы все население принадлежало к одному роду... По большей части в селении два-три рода»⁹. «В селе Коль я насчитал представителей восьми родов, в селениях меньших — по два-три рода, и очень мало таких, в которых совсем не было бы чужеродных. Есть роды, разветвления которых встречаются в самых различных и удаленных друг от друга пунктах гилияцкой территории... Переселение в очень отдаленные пункты влечет за собой фактическое деление „огня“ (символа рода.— В. К.) и разветвление рода»¹⁰. По данным Л. Шренка, чужие люди — не родственники — жили не только в селениях нивхов, но и в общих жилищах с ними¹¹.

Итак, для нивхов были характерны общины двух типов — такие, в которых, кроме женщин, пришедших в качестве жен из другого рода, все остальные люди принадлежали к одному роду, и такие, в которых проживали представители нескольких (более двух) родов, т. е. общины со смешанным родовым составом. Назовем общины первого типа локально-родовыми, второго — смешанно-родовыми, или гетерогенными. Следует сразу заметить, что первый термин весьма условен: проживание в общине членов одного рода (кроме жен) не означает, что представителей этого рода нет и в других общинах. Надо также иметь в виду, что общины обоих типов у нивхов сосуществовали, соответствуя различным условиям жизни общества; мы не располагаем данными, которые указывали бы на то, что гетерогенные общины появились позже локально-родовых, в процессе эволюции общинной организации.

Таким образом, уже во второй половине XIX в., т. е. когда русская колонизация еще не оказала влияния на расселение

нивхов, нивхские селения имели, как правило, смешанный родовой состав. Проживание нескольких родов в одном селении, которое являлось гетерогенной общиной, было у нивхов давней традицией, а не нововведением. Едва ли можно согласиться с Ч. М. Таксами, что «территориальное единство» нивхского рода было нарушено лишь к моменту Октябрьской революции¹². Утрату нивхским родом территориальной целостности исследователь связывает с объединением небольших селений¹³. Однако оно приняло массовый характер только в советское время. Во второй половине XIX в. нивхские селения были, как правило, небольшими и все же состояли из представителей нескольких родов.

Высказывается предположение, что община у нивхов в XIX — начале XX в. была не родовой, а соседской, территориальной. В пользу этого мнения приводятся такие факты, как сложный родовой и этнический состав нивхских, преимущественно амурских, селений, уровень развития самих нивхов (например, с проникновением товарно-денежных отношений в их среде появились крупные торговцы, местами существовало патриархальное рабство), сочетание общинной и семейной собственности. Под сложным этническим составом имеется в виду проживание в некоторых селениях представителей соседних народов. Однако, по распространенному мнению, с которым трудно не согласиться, соседская община соответствует классовой докапиталистической формации¹⁴. У нивхов в XIX — начале XX в. складывались лишь отдельные элементы классовых отношений, внутри общин шел процесс постепенного разложения отношений, свойственных первичной общественной формации, но до Октябрьской революции этот процесс еще был далек от завершения. Родовые отношения у нивхов продолжали играть большую роль, цементируя общество и во многом определяя характер взаимоотношений внутри общин и между ними. В то же время общины сохраняли свое ведущее экономическое значение. Сложный родовой состав сам по себе не делает родовую общину соседской. «В соседской общине доминируют не родственные, а территориальные, соседские связи, от которых она и получила свое наименование»¹⁵. Как свидетельствуют многочисленные этнографические данные, в XIX — начале XX в. в большинстве нивхских общин продолжали доминировать родственные, точнее — родовые связи. Представляется поэтому, что в этот период нивхские общины в большинстве своем оставались еще родовыми или имели переходный характер. Такие общины можно назвать формирующимися соседскими общинами. Это одна из ранних форм трансформации родовой общины в соседскую¹⁶.

Еще Л. Я. Штернберг обратил внимание на то, что многие названия родов у нивхов происходят от названий селений. «Если гиляк хочет назвать людей такого-то рода, он говорит

„жители такого-то селения“, что иногда совпадает с действительным местожительством рода, но чаще всего только показывает то селение, которое было когда-то исконным местопребыванием того или другого рода»¹⁷. Об этом же пишет Е. А. Крейнович. Например, селение Выскво (Ускво) населял род Высквони, что означает «жители селения Выскво»¹⁸. И подобных фактов множество. Частица *во*, которая встречается в названиях многих родов, означает «селение». На то или иное селение, откуда происходит род, указывают частицы *лин* или *фин* в названиях ряда нивхских родов. Приведа в одной из работ список названий родов у нивхов Восточного Сахалина и бассейна реки Тымь, А. В. Смоляк отмечает, что значительная часть их связана с названиями селений¹⁹. То же относится к названиям многих родов других районов Сахалина, а также нижнего Амура. Переселяясь из одного селения в другое, нивхи иногда меняли и родовые названия²⁰. У нивхов, как и у других народов, община была той первоначальной основой, на которой конституировался, формировался род, и это находило отражение в названии последнего. Родовая организация как бы накладывалась на общинную, связывая общество прочной системой родовых норм и санкций.

По мере освоения нивхами обширных территорий Приамурья и острова Сахалин, а также по мере переселений, обычно небольшими группами, роды расплывались, родовые связи затухали, сохраняясь порою лишь в памяти людей, чтобы в процессе консолидации новых общин на новом месте восстановиться вновь. Иногда они сохранялись и при переселениях. Но, формируясь на основе общинной организации, родовая организация нивхов затем разрывала территориальные связи, и это движение за пределы общинных территорий можно рассматривать как одну из ведущих ее особенностей.

Из всего этого следует, что селение и род у нивхов — разные социальные категории. Селение, каким оно выступает в работах Л. Я. Штернберга и других авторов, следует рассматривать как гетерогенную или локально-родовую общину. Последняя была основной экономической ячейкой нивхского общества. Вместе с тем кое-где образовался дуализм экономических начал, присущий формирующейся соседской общине. Это вытекает из анализа отношений собственности.

Места рыбной ловли и охоты на соболей являлись, как указывает Л. Я. Штернберг, «территорией селения», иначе говоря — общины. Нивхи, пишет исследователь, не претендуют на территории, которыми они не пользуются, крайне строги в своих правах на те речки, по которым ставятся петли и ловушки. Более того, «все речки территории селения распределены раз и навсегда между семьями того рода, который впервые поселился близ этих речек и пользовался ими», а угодья эти «переходят по наследству и распределяются между сыновьями на тех

же строгих началах, как у нас любая недвижимая собственность»²¹. Л. Я. Штернберг отмечает, что право собственности на охотничьи угодья «ограничено фактическим пользованием, с перерывом которого речка становится *res nullius* и может быть использована всяким, даже чужим»²². «У гиляков соболиные речки составляют принадлежность стойбищ, но состоят во владении семей и переходят по наследству. С прекращением пользования речка может быть занята другими членами того же стойбища»²³, т. е. общины. «Речки для лова соболя передавались по наследству от деда к отцу, от отца к сыну,— пишет Е. А. Крейнович.— Никто не имел права ставить петли на чужой, не принадлежащей ему речке», которая была «неотъемлемой собственностью» охотника²⁴. Правда, Е. А. Крейнович сообщает и о том, что соболиные угодья находились в родовой собственности²⁵, но его утверждение, приведенное выше, недвусмысленно показывает, что угодья эти были фактически собственностью отдельных семей.

Итак, у нивхов существовала семейная собственность на угодья, где они охотились на соболя. Вместе с тем, согласно Л. Я. Штернбергу, рыболовные угодья и места охоты на морского зверя не находились в семейной собственности, ими могли пользоваться не только все семьи общины, но даже жители других селений. Возможно, семейная собственность на места охоты на соболя сложилась сравнительно поздно под влиянием русской колонизации, когда объекты пушной охоты получили товарное значение. Однако семейная собственность сформировалась у нивхов и в таких отраслях хозяйства, которые создавали товарные ценности в очень незначительном количестве или не создавали их совсем.

Даже места рыбной ловли, оказывается, находились фактически в семейной собственности. На это указывает Е. А. Крейнович. Он цитирует В. К. Бражникова, который, в свою очередь, сообщает, что заездки на рыбу ставились всегда на одном и том же месте и что эти места передавались «из рода в род по наследству от отца к сыну»²⁶. Да и сам Е. А. Крейнович утверждает, что «места на заездки хотя и считались собственностью рода, но находились во владении отдельных семейств и переходили по наследству, так же как нерестилища и тони»²⁷. И если, по его словам, роды владели определенными участками реки и ее притоков, куда рыба заходила для нереста, внутри «родового владения» нерестилища были заняты отдельными семьями, которые постоянно пользовались ими. «Каждое нерестилище имеет своего владельца»²⁸. Владельцами были представители одного из родов, живших в селении²⁹. Но ведь в селениях, изученных Е. А. Крейновичем, обитали люди нескольких родов. В то же время представители этих родов встречались и в других селениях. Следовательно, селение не является родом, а собственность на нерестилища и другие угодья — не родовая,

а, по существу, семейная, но наследуется она лишь ближайшими родичами по отцовской линии и, как правило, не переходит к членам другого рода. Перед нами — родовая община, промысловые угодья которой распределены между отдельными, составляющими ее семьями.

Семейная или в конечном счете общинная собственность простиралась не только на нерестилища, но и на другие угодья³⁰. Эта система собственности, по словам Е. А. Крейновича, полностью разрушилась еще до Октябрьской революции, под влиянием русского и японского торгового капитала. До проникновения в нивхскую общину товарно-денежных отношений рыба не имела товарного значения, но семейная собственность существовала уже тогда³¹.

Все эти и другие факты Е. А. Крейнович считает пережитками родовой собственности. Однако фактически многие промысловые угодья находились в собственности, а точнее, в пользовании отдельных семей, и эта система в ряде случаев сложилась до проникновения сюда товарно-денежных отношений. Семейные угодья, по словам Е. А. Крейновича, не могли «уйти за пределы рода»³², правильнее было бы сказать: за пределы родовой общины. Ведь в действительности речь идет о родовых общинах, так как не роды, а именно общины состоят из семей, которым община как верховный собственник земли и передает в пользование отдельные ее участки.

Возможно, что в период первоначального освоения нивхами принадлежащих им ныне территорий и очень долгое время потом, пока не ощущалось недостатка в промысловых угодьях, общины не заявляли своих исключительных прав на осваиваемые ими земли и воды. Первопоселенцы, естественно, первыми осваивали промысловые угодья, окружавшие их селения, но это не препятствовало миграции сюда новых групп нивхов, которые находили поблизости еще не освоенные угодья³³. Все это было возможно лишь потому, что земельных и водных угодий хватало для всех. И только позднее стали оформляться притязания на определенные угодья сначала отдельных общин, а затем и семей.

«Семья давно выделилась в гиляцком роде в самостоятельную хозяйственную единицу», — пишет Е. А. Крейнович³⁴. Заменим слово «род» словами «родовая община», и все встанет на свои места.

Если Е. А. Крейнович и прав, семейная собственность на промысловые угодья сложилась далеко не сразу и не везде, а там, где такая собственность появилась, она не была абсолютной. Нивхи одних селений, следуя за движением проходной рыбы, свободно ловили ее на территории других селений, нередко очень отдаленных, иногда в лове рыбы участвовали жители разных селений. Об этом свидетельствуют сообщения многих авторов³⁵. «Все водное и лесное пространство в стране (нив-

хов.— В. К.), — пишет, например, Л. Шренк, — доступно для охоты каждому, кроме тех мест на реке, где устроены „заборы“ для ловли семги, или где в лесу кем-нибудь из них поставлены звериные ловушки и самострелы. Гилякам с Лимана, например, никто не препятствует ловить рыбу в Амуре, а гиляки из Чомиг беспрепятственно спускаются для ловли семги вниз по Тyme; точно так же как и гиляки с Тымы идут ловить горбушу на берег моря... И в своих обширных лесах гиляки допускают без стеснения охотиться даже ольчей и самагирцев»³⁶. «Рыбные ловли не находятся в ограниченном владении... Сплошь и рядом гиляки переселяются из одного селения в другое или наезжают на известные сезоны для рыбной ловли или нерпичьего промысла, и коренные жители селений и не думают считать это за нарушение каких бы то ни было их прав»³⁷. Многочисленные данные о свободном пользовании рыболовными угодьями, о сезонных миграциях нивхов в середине XIX в. и позднее приводит и А. В. Смоляк³⁸.

Стабильных условий для лова рыбы ни на Амуре, ни на реках Сахалина не было: водный режим Амура в течение года не был постоянным, на Лимане и на Сахалине от сезона к сезону менялись пути миграции рыбы, а соответственно и режим ее лова. Люди стремились оптимально приспособить свою хозяйственную деятельность к изменяющимся экологическим условиям. Они ехали туда, где в данное время шла рыба. Поэтому рыболовные угодья, находившиеся в постоянной собственности общин или семей, появлялись далеко не везде. Экологические факторы наряду с возрастающей плотностью населения и постепенным сокращением свободных угодий оказывали, следовательно, влияние на условия рыболовства, а соответственно и на отношения собственности в рыболовстве.

При этом, как отмечал Л. Я. Штернберг, обязательным условием собственности являлось пользование. «Гиляки никогда не заявляют претензий на близлежащие территории, которыми они сами не пользуются»³⁹. Следует заметить, что Л. Я. Штернберг предпочитает не писать о родовой собственности на промысловые угодья. Он говорит обычно о «территории селения», а ведь в большинстве селений, по его же словам, проживали представители нескольких родов. При анализе основных признаков нивхского рода (исследователь опирался при этом на высказывания о роде самих нивхов) Л. Я. Штернберг нигде не указывал, что род был экономической единицей, собственником родовых угодий⁴⁰. Он писал, что поскольку у нивхского рода нет единой территории, следовательно, нет и единой экономической базы. Данные, приводимые Штернбергом, свидетельствуют о том, что фактически охотничьи угодья распределены между отдельными семьями и переходят по наследству от отца к сыну, и то лишь до тех пор, пока эти люди пользуются ими. Можно согласиться с А. В. Смоляк, и все приведенные факты свиде-

тельствуют в пользу ее утверждения, что у нивхов «род не являлся экономической единицей» и «нет никаких оснований полагать, что в предшествующие периоды положение было иным». Ни рыболовные, ни охотничьи угодья не распределялись между родами. «Экономической ячейкой общества,— пишет А. В. Смоляк,— была семья. Род же как в XIX в., так, по-видимому, и значительно раньше имел иные функции»⁴¹. Следует лишь уточнить, что экономической ячейкой нивхского общества была не только семья, но и коллектив семей, или община. Причем основным субъектом собственности на рыболовные, охотничьи и собирательские угодья нивхов и на продукты, добываемые на этих угодьях, была именно община как ведущая социально-экономическая ячейка общества. Семейная собственность была выражением общинной собственности.

Ни у нивхов, ни у их соседей, живших в бассейне нижнего Амура и на Сахалине, род не был собственником промысловых угодий и не имел экономических функций. Пользование промысловыми угодьями, являвшимися основой экономики, регулировала община, род же регулировал семейно-брачные связи, обеспечивал безопасность и взаимопомощь, контролировал соблюдение членами рода морально-этических норм, отправление религиозных обрядов⁴².

«Все рыболовные тони в Набильском и Луньском заливах (на Сахалине.— В. К.), а также нерестилища в реках, впадающих в заливы, распределены между членами и семьями нивхских родов»,— пишет Ч. М. Таксами⁴³. Нерестовая река Лангры, впадающая в Татарский пролив, «была распределена участками между семьями ряда родов»⁴⁴. Так же были распределены нерестилища и другие рыболовные угодья на реке Тымь.

Сочетание слов «семьи нивхских родов» внутренне противоречиво: уже говорилось, что род не может состоять из семей. Употребление Ч. М. Таксами такого оборота объясняется отчасти той особенностью нивхского рода, о которой упоминалось выше — формальным переходом нивхской женщины в род мужа. Но еще существеннее то, что Ч. М. Таксами не различает род и родовую общину, последнего понятия для него вообще не существует. Поэтому неизвестно, что же в действительности он имеет в виду, говоря о родовой собственности на промысловые угодья,— собственность рода или родовой общины, территориальную общность рода или общины. В самом деле, разве не к родовой общине относятся слова о том, что у нивхов собственность на промысловые угодья была родовой, а «внутри рода — семейной»?⁴⁵

И хотя Ч. М. Таксами рассматривает род как субъект собственности на промысловые угодья, возникает неизбежный вопрос: не является ли во многих случаях то, что он именует родом, в действительности родовой общиной? Ведь сам же Ч. М. Таксами пишет, что род — *кхал* — включал как кровных

родственников, так и свойственников — выходцев из других родов. В то же время внутри этой общественной ячейки выделялась группа кровных родственников по отцовской линии — *ран*, ее генеалогическое ядро⁴⁶. Вот эта-то группа и являлась настоящим родом.

Но если ввести понятие «родовая община», которая действительно включает свойственников и состоит из семей, исчезнут многие неясности и противоречия, которые встречаются в работах Ч. М. Таксами и других авторов, посвященных родовой организации и социально-экономическим отношениям у нивхов.

А характеристика нивхского рода у Ч. М. Таксами и в самом деле противоречива. Так, на одной и той же странице книги он утверждает, что нивхский род состоял из семей и что он был «строго экзогамен», браки между сородичами запрещались⁴⁷.

Промысловые угодья, поделенные между семьями и передаваемые по наследству от отца к сыну, согласно Ч. М. Таксами и Е. А. Крейновичу, оставались собственностью рода и не могли перейти к представителям других родов. В случае смерти членов семьи их получали братья и племянники. Однако, если вымирал весь род, угодьями могли пользоваться зятья или тести. Следовательно, собственностью этой, хотя она и была общинной, владел строго определенный круг лиц, состоявший из представителей родов, связанных кровнородственными узами и узами брака. Это означает, что те взаимные обязательства и права, которые связывали между собой отдельные роды, распространялись и на экономические отношения. Иначе и не могло быть, потому что в обществе, подобном нивхскому, социальные, в частности семейно-брачные, и экономические связи всегда тесно переплетены.

Родовые связи не просто призваны регулировать семейно-брачные отношения, функции их шире и многообразнее. Это сам образ жизни первобытного родового общества. Родовая организация возникает внутри общины и на ее основе. Но, возникнув в недрах общины, родовые связи затем становятся тем социально-организующим институтом, который определяет отношения внутри общин и между ними. Вот почему внутри- и межобщинные экономические отношения могут принять в родовом обществе облик отношений внутри- и межродовых. Это и происходило в нивхском обществе, впрочем далеко не всегда. Но данное обстоятельство не должно скрывать от нас сущности этих отношений как отношений внутри- и межобщинных.

Отношения собственности на угодья у нивхов были достаточно сложными. Их характер не только бывал различным в разных местах расселения нивхов, в разных сферах производства даже в одной местности, таких, как рыболовство, промысел морского и лесного зверя, собирательство, но и одновременно отражал общинные, семейные и родовые связи, а также

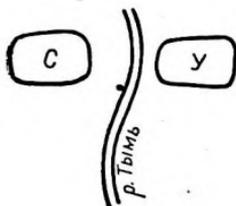
связи внутри родовых общин и между теми из них, которые состояли в близком родстве. И очень вероятно, что сложность отношений собственности у нивхов была обусловлена историей развития их социально-экономических отношений в целом; но эта история почти еще не исследована.

Исчезновение родовой и развитие семейной собственности, делокализация рода являются, по мнению Ч. М. Таксами, продуктом разложения родового строя у нивхов⁴⁸. Но можно ли доказать, что все это — поздние явления, обусловленные, как полагает Ч. М. Таксами, проникновением торгово-промышленного капитала? Он же сам пишет, что «основные промыслы — рыболовство и морской зверобойный промысел — почти не были вовлечены в орбиту торгового капитала»⁴⁹. Выше уже говорилось, что семейная собственность формировалась не только под воздействием товарно-денежных отношений. Есть ли основания утверждать, что делокализация рода — явление позднее? Нивхский род был делокализован уже во второй половине XIX в., когда основы традиционного образа жизни нивхов еще не были разрушены. В своем большинстве нивхские общины были уже тогда гетерогенными, смешанными по своему родовому составу, разветвления некоторых родов встречались, по словам Л. Я. Штернберга, в самых удаленных друг от друга местах расселения нивхов.

Для чего же Ч. М. Таксами потребовался тезис о разложении рода? Может быть, для доказательства того, что в прошлом род у нивхов был субъектом экономических отношений. В действительности же в этой функции выступала родовая община.

Таковы самые общие черты нивхской родовой общины. Однако многие вопросы остаются до сих пор невыясненными. В октябре 1974 г. автор данной статьи воспользовался возможностью поехать на Сахалин, чтобы получить ответы хотя бы на некоторые из них. Сделать это было нелепо прежде всего из-за непродолжительности экспедиции, а также потому, что жизнь нивхов к настоящему времени коренным образом изменилась: прежние селения, где они вели традиционный образ жизни рыболовов и охотников, почти совсем опустели, коренное население сосредоточено теперь в нескольких крупных колхозах. Приходилось обращаться к людям старшего поколения. С их уходом из жизни память о прошлом может исчезнуть навсегда, а с нею исчезнет возможность получить информацию о таких сторонах традиционной жизни нивхов, которые еще недостаточно ясны.

Наименее ясным и в то же время наиболее важным для понимания социально-экономических отношений у нивхов в прошлом представляется комплекс проблем, связанных с общиной. Как же соотносились община, семья и род, какая из этих трех социальных форм была субъектом экономических отноше-

Поселение общины Саквонгун и Усквонгун в верховьях реки Тымь

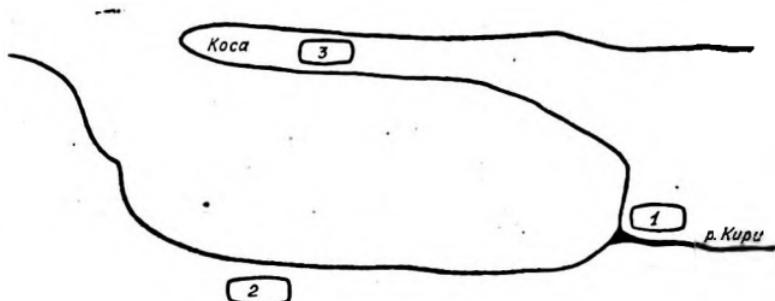
ний, субъектом собственности и на какие именно категории промысловых угодий? На эти вопросы, как видно из вышеназванного, исследователи дают неоднозначные, противоречивые ответы. Что происходило с общиной и родом, когда община делилась или переселялась на новое место? Ведь это случалось, вероятно, на всем протяжении истории нивхов, освоивших обширные области бассейна нижнего Амура и острова Сахалин. Ответы на эти вопросы важны для понимания социальной организации нивхского общества и его развития.

Об изменениях общинно-родовой структуры и постепенной утрате родовой общиной своих общинных функций при сохранении родовых в итоге переселений рассказал 73-летний нивх Пулкун из поселка Кайган, расположенного на Охотском побережье Сахалина. Родился он в верховьях реки Тымь. На левом берегу реки в селении Ускво (правильнее — Выскво) жила община Усквонгун, на правом берегу в селении Сакво — община Саквонгун. Во, как уже говорилось, обозначает селение, окончание *нгун* после названия селения — всех людей, живущих в этом селении, независимо от их родовой принадлежности. Следовательно, Усквонгун и Саквонгун — жители Ускво и Сакво. Исторически отношения между этими селениями сложились как отношения между двумя родами: Саквонгун были для Усквонгун *ымхи*, т. е. зятьями, а вторые для первых — *ахмалк*, т. е. тестями. Это были локально-родовые общины, каждая из которых объединялась вокруг членов одного рода.

Обе общины занимались рыболовством и охотой, преимущественно на соболя. Но постепенно соболей становилось все меньше, и обе группы, издавна связанные узами свойства, переселились в Луньский район, в устье реки Кири, где в лесу было вдоволь соболя, в реке и заливе — рыбы, в море — морского зверя.

Родовые общины Усквонгун и Саквонгун прекратили свое существование как автономные общины и превратились в две части единой общины, которая называлась Кири. Усквонгун и Саквонгун сохранили свои названия как части новой общины, хотя самостоятельных селений Ускво и Сакво больше не существовало. Полностью сохранили они и свои родовые функции.

Итак, община Кири состояла из двух когда-то самостоятельных родовых общин и четырех семей. Каждая семья жила в отдельном доме. Бывшую родовую общину Усквонгун первоначально представляла только одна семья. Вероятно, причиной слияния ее с родовой общиной Саквонгун было не только изменение условий жизни в результате переселения, но и сокраще-

Поселение общин Саквонгун и Усквонгун в устье реки Кири.
Условные обозначения:

1 — зимнее стойбище (тулв во 1); зимой охота на соболя и лису, весной — на нерпу; 2 — зимнее стойбище (тулв во 2); охота на соболя и лисицу; 3 — летнее стойбище (ке во); рыболовство, охота на перлу

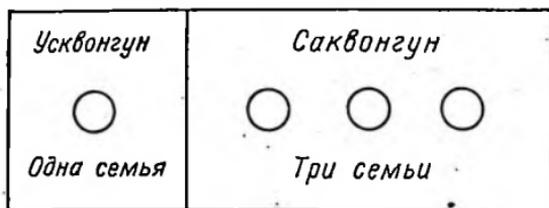
Расстояние между ке во и тулв во 1 — около 10 км, между тулв во 1 и тулв во 2 — около 17 км

ние численности общины Усквонгун до минимума, когда она вообще уже перестает существовать как община.

Члены общин Усквонгун и Саквонгун как части единой родовой общины жили и охотились теперь в одном месте. Никто, кроме них, не имел права охотиться на этой общей территории, которая была землей новой родовой общины, ее собственностью. Территория общины, ее охотничьи и собирательские угодья были поделены на семейные участки; пользование этими угодьями имело семейный или даже индивидуальный характер. Рыболовы, члены нескольких семей, независимо от родовой принадлежности ставили сети вместе и потом делили улов. В охоте на тюленя семейных или индивидуальных участков не существовало — в море каждый мог охотиться где хотел. В лодку обычно садились от четырех до шести охотников, которые были просто товарищами и подбирались вне зависимости от родовой принадлежности. В экономике родовой принцип вообще не играл заметной роли. Господствовала взаимопомощь: если у одного что-то есть, необходимо поделиться с тем, у кого нет.

Жен нивхи по-прежнему брали из другого рода, но теперь Усквонгун и Саквонгун заключали браки внутри селения, и, выходя замуж, женщина Усквонгун становилась Саквонгун, как член группы, к которой принадлежал ее муж.

В начале 60-х годов XX в. члены общины Кири переселились в Кайган, близ Катангли, тоже расположенный на берегу одного из заливов Охотского моря. Это было вызвано тем, что старший сын Пулкуна устроился работать на нефтепромыслах в Катангли; к тому же детям надо было посещать школу, и переселение избавляло от необходимости возить их к началу учебного года за много километров от дома. Но и на этот раз Ускво-

Общинно-родовая структура поселения в устье реки Кири

нгун и Саквонгун переселились вместе и, несмотря на изменившиеся условия жизни, все еще поддерживают традиционные родственные отношения. Взрослые, за исключением стариков, охоту и рыболовство теперь сочетают с работой на производстве. Традиционные занятия сохраняют сезонный характер, обусловленный природным циклом. Однако никаких летних и зимних стойбищ теперь, конечно, не существует.

Таким образом, переселения с одного места на другое в силу различных причин свойственны не только охотникам, но и по преимуществу оседлым рыболовам. Переселения происходили на всем протяжении истории нивхов. Поэтому есть основание рассматривать первое переселение Усквонгун и Саквонгун в устье реки Кири как типичное для общества, основанного на хозяйстве присваивающего типа (второе переселение обусловлено, разумеется, уже совершенно иными причинами). И те изменения, которые произошли в результате первого переселения в общинно-родовой структуре, — один из возможных путей развития и трансформации этой структуры при общинно-родовом строе. Взаимодействие общинной и родовой организаций на протяжении всей истории переселений сохранялось, но характер взаимодействия менялся. При этом родовой принцип, оставаясь чрезвычайно устойчивым, в то же время приспосабливался к общинному принципу, непосредственно связанному с экономикой и потому игравшему доминирующую, активную роль.

Утрата каждой из двух рассмотренных родовых общин общинных функций произошла вследствие того, что образовалась новая родовая община, поглотившая две прежние общины, которые помимо названий сохранили лишь свои родовые функции. Раньше существовали две локально-родовые общины — Усквонгун и Саквонгун, теперь же эти названия сохранились лишь как названия двух родов. Усквонгун и Саквонгун — это, по-видимому, то же, что и Усквонг и Саквонг, о которых А. В. Смольяк пишет как о родах⁵⁰. Перед нами классический пример того, как родовые общины в силу изменившихся условий жизни и слияния утрачивают общинные функции, сохраняя родовые.

Ответы на расспросы показали, что у нивхов, видимо, нет особого термина для обозначения общины как социальной формы, его заменяет сочетание *вонгун* 'жители селения'. Они осознают себя жителями определенного селения, представителями конкретной общности, состоящей из семей и осваивающей определенную территорию, и в то же время членами определенного рода (название которого нередко происходит от названия общины). Следовательно, их самосознание двойственно, а вернее, тройственно, так как они осознают себя еще и как народ нивхгу.

Аналогичную картину нарисовал самый старый нивх в Ногликах Палин. Несмотря на свой возраст (многие утверждали, что ему уже за сто лет), он сохранил ясность мысли и цепкую память. Родился он на востоке Сахалина в селении Такрво, в котором жило около 20 семей, каждая — отдельно. Жители Такрво принадлежали к двум родам — Масквонг и Койвонг. По словам А. В. Смоляк, родовое название Масквонг (Масклавонг) происходит от названия селения Масклаво, расположенного на берегу Луньского залива. Название рода Койвонг связано с названием другого селения⁵¹. Оба рода, следовательно, восходят к автономным селениям, родовым общинам. Селение Такрво было родовой общиной, его жители принадлежали к двум различным родам и образовывали общность, носившую название Такрвонгун — 'люди селения Такрво'.

Палин взял жену в соответствии с нивхскими обычаями из третьего рода — Тлавонг, из селения Чайво. В период коллективизации жители Такрво переехали в Ныйво, но родовые связи сохранились. Так бывало при всех переселениях нивхов, если условия благоприятствовали; они сохранились даже в Ногликах, большом колхозе, куда переселились жители многих селений Северного Сахалина.

В прошлом, по словам Палина, рыба на зиму добывалась в основном силами отдельной семьи и ею потреблялась. Но если у близкого родственника, например брата, были плохие орудия лова, в зимнее время с ним делились запасами. Места, где ставились сети, находились в собственности отдельных семей. Участки эти передавались по наследству от отца к сыну. Хозяин мог пригласить ловить рыбу на своем участке родственника или товарища; из поколения в поколение близкие родственники, как правило родные братья, ловили рыбу на общих участках. Посторонние могли пользоваться этими участками лишь с разрешения их владельцев.

При охоте на морского зверя индивидуальных участков не было. Хозяин лодки подбирал охотников вне зависимости от родовой принадлежности. Если охотник на лесного зверя обнаруживал лисью нору, она становилась собственностью его семьи, семьи его брата и других родственников. В собирательстве собственных угодий не существовало. Никаких территориальных границ вокруг поселений не было.

В рассказах Палина и Пулкуна нетрудно заметить и сходство и различия. Палин в отличие от Пулкуна подчеркивал семейную собственность в рыболовстве. Оба определенно указывали на отсутствие индивидуальных участков при охоте на морского зверя и на то, что охотники подбирались вне зависимости от принадлежности к роду. Оба нивха сообщили о семейной собственности при охоте на лесного зверя: первый — о собственных участках, второй — лишь о норах. Пулкун говорил, что при собирательстве имелись семейные или индивидуальные участки, Палин утверждал, что их не было. Первый рассказал также, что существовала общинная территория, Палин отрицал это.

Таким образом, оба информатора подтвердили вывод, который был сделан на основе литературных источников, о том, что отношения собственности на промысловые угодья у нивхов были достаточно многообразны и что характер этих отношений менялся в разных сферах производства, в разных местностях, в разные сезоны, каждый раз отражая конкретные социально-исторические, экономические, естественно-географические условия. В этом отношении никакой единой формулы, которая была бы применима ко всем нивхам, нет. Можно сделать лишь одно бесспорное обобщение: в формировании отношений собственности и производственных отношений в целом родовой принцип не играл определяющей роли. На первый план выступала община — основная социально-экономическая ячейка нивхского общества и совокупность семей, состоявшая в большинстве случаев из представителей нескольких родов.

Оба информатора были единодушны в отрицании родовой собственности (в экономическом смысле) в какой-либо форме. Но это не значит, что родовых территорий не было. Палин, например, рассказал, что роду принадлежали места, где приносились жертвы хозяевам леса и моря. Помимо мест родового культа, расположенных на определенной территории, каждому роду принадлежали ритуальные амбары — *лезн*, — в которых хранились принадлежности медвежьего праздника — центрального религиозно-культурного события в жизни нивхов, а праздники эти по своему характеру были родовыми. Таким образом, связь рода с культом отчетливо выступала и здесь.

Следовательно, родовая собственность на землю (если только можно в данном случае говорить о собственности) имела религиозно-культурное, но не экономическое содержание. Религиозно-культурная связь рода с определенной территорией отчетливо прослеживается в обычае, согласно которому нивхи, оказавшись на территории чужого рода, были обязаны принести жертву хозяину земли или воды, т. е. «накормить» его⁵². Но это еще не значит, что данная территория и в экономическом отношении принадлежала роду и добывать на ней пищу имели право только представители этого рода.

Аналогичное отношение рода к земле известно и у многих других народов, например у австралийцев. Субъектом мистической связи с территорией, а точнее с расположенными на ней местами культа, выступает у них тотемический род, тогда как субъектом экономических отношений, а следовательно, отношений собственности — община. И если обе формы отношения к земле — религиозно-культурная и экономическая — генетически связаны, то первая, несомненно, обязана своим существованием второй.

Исследователи нередко допускают ошибку, смешивая религиозно-культурное отношение к земле с экономической собственностью на землю. Говоря о религиозно-культурном отношении к земле, слово «собственность» следует употреблять лишь условно, а лучше вообще не употреблять его. И когда, например, встречается утверждение, что нивхский род был связан с определенной территорией, речь идет не об экономической по своему содержанию собственности на землю, а о религиозно-культурной связи рода с территорией и расположенными на ней местами культа⁵³.

Рассказ Палина о демократических устоях нивхской общины освещает по-новому положение самого авторитетного в общине человека, которого информатор называет *пилан хаймырш* — 'большой, почетный старик'. Будучи знатоком древних обычаев, он решал межродовые споры, а это имело большое значение как во внутриобщинных, так и в межобщинных отношениях. Кто же этот человек? Может быть, глава рода? Нет, он представитель рода зятьев, а влияние его распространяется на всю общину, прежде всего на свойственников из рода тестей. Он, по словам Палина, «женат на сестре моего отца» и является «почетным товарищем моих родителей». В нем как бы воплощены межродовые связи, цементирующие нивхское общество. Пилан хаймырш — первый среди равных, но не старейшина, не руководитель.

Сообщения Пулкунa и Палина интересно сравнить со сведениями, полученными от представителя другой группы нивхов — Пойтана Герасимовича Чайки. Родился он в 1915 г. в Рыбновском районе, на северо-западе Сахалина. В селении, где Чайка провел детство, жили члены нескольких родов. Расстояние между зимним и летним стойбищами составляло около 5 км. Роды или семьи, по его словам, не имели собственных угодий ни при охоте на лесного и морского зверя, ни при рыбной ловле, ни при собирательстве. На охоту или рыбную ловлю отправлялись товарищи, не обязательно состоявшие в родстве. Добыча, улов делились поровну между всеми участниками охоты или рыбной ловли. И здесь в сфере производства родовой принцип не играл определяющей роли. Зато ритуальные амбары принадлежали отдельным родам, и члены других родов их не смели посещать. Об этом же рассказывал и Палин. Таким образом, не-

смотря на то что у разных групп нивхов в сфере отношений собственности существовали определенные различия, одно у них было общее — родовой принцип на эти отношения не распространялся. Его значение было очень велико, но оно проявлялось в религиозно-культурной сфере, в семейно-брачных и межродовых отношениях, в области взаимных прав и обязанностей.

Картина, нарисованная Чайкой, изображает, казалось бы, сравнительно архаический тип общественно-экономических отношений. Дело в том, что в местности, где он жил, не было, по его словам, нерестовых рек, а потому отдельные семьи не имели собственных рыболовных угодий. В другом районе, тоже на северо-западе Сахалина, на реке Лангры, в которую рыба заходит для нереста, участки реки, нерестилища, были распределены между отдельными семьями. Таким образом, и на северо-западе Сахалина существовали различные типы отношений собственности, обусловленные разными естественно-географическими факторами, следовательно, своеобразием экономического освоения природной среды. С наличием или отсутствием нерестовых рек во многом было связано и различие экономических отношений.

По словам нивхов, женщина, выйдя замуж, становилась хозяйкой новой семьи и полноправным членом общины мужа. Но она рвала связи со своим родом и превращалась как бы в собственность принявших ее людей. Она не имела права уйти из новой общины и возвратиться в родную семью. Многие женщины жили в семье мужа с детства, а за многих дали выкуп. «Отец покупает жен сыновьям, а дочерей продает», — пишет Е. А. Крейнович⁵⁴. Положение женщин он рисует даже в более мрачных красках, чем сами нивхи: «Судьба нивхинки трагична. У нее нет никаких прав ни в том роде, где она появилась на свет, ни в том, куда ее продали замуж»⁵⁵. И быть может, в этом он ближе к истине.

Попытки женщины вернуться домой решительно пресекались родичами мужа. Женщину возвращали, даже если она успевала выйти замуж за другого, при этом дети от второго брака оставались в семье второго мужа. Вернуться в свой род женщина могла только с разрешения мужа или его родни. В этом случае дети оставались в роде отца. Женщины «исключаются из права наследования как лица, назначение которых — выступать из рода отца и переходить в род мужа»⁵⁶.

Например, Феня Саргун (1920 г. рождения) рассказала, что была отдана в род мужа лет двенадцати. Ее увезли в стойбище, которое находилось в 150 км от родного дома. Муж был моложе ее; вскоре он умер. Феня хотела вернуться к родителям, но ее заставили остаться и выдали замуж за брата первого мужа. Вскоре умер и он. Молодой женщине и на этот раз не разрешили вернуться домой. Когда она однажды осмелилась уехать к отцу на медвежий праздник, родичи первых мужей

приехали за ней и увезли ее обратно. И Феня вышла замуж в третий раз за человека из того же рода.

Почему же, выходя замуж, женщина не только становилась членом общины, но и рассматривалась обществом как «член рода» своего мужа?

В родовом обществе человек не может жить вне рода, вне системы отношений, связанной с принадлежностью к роду. Выше уже отмечалось, что родовые связи — это сам образ жизни родового общества, а жить в нем — значит быть членом рода. И женщина, порвавшая со своим родом, считается членом рода мужа. Жена, как своеобразно выразился Палин, хотя и не кровная родственница, но все-таки «своя» — «своя по роду, не по крови». Нивхи как бы отождествляют род и общину, и это вводит в заблуждение исследователей, которые делают то же самое. В глазах нивхов все члены родовой общины — *кхалнякс* 'родня'. И если они забывают порой, что мужья и жены — люди разного происхождения, разной крови, то, надо признать, для этого имеется известное основание — ведь несколько родов из поколения в поколение были связаны узами брака, заключали браки только друг с другом.

И все же нивхи помнили о том, что жена вышла из чужого рода, но проявлялось это не в социальной или экономической сфере, а в религиозно-культурной, теснейшим образом связанной с родом. Женщины были отстранены от участия в важнейших обрядах, совершать которые могли только мужчины — члены данного рода; их жены допускались лишь к приготовлению ритуальной пищи.

По словам нивхинки Вакзук (1904 г. рождения), в старину существовал обычай, согласно которому женщина, выйдя замуж, вводила с собой из рода своего отца живого медведя, который был символом рода, живым его воплощением. В этом обычае ярко проявлялась как бы мистическая связь женщины с родом отца, родичами по крови. Негативным выражением этой связи было отстранение ее от важнейших обрядов рода мужа.

Вот почему, считаясь членом рода мужа, женщина в то же время была в нем, по признанию Вакзук, «как бы чужой». Женщины признавались членом рода мужа лишь до тех пор, пока жила в нем; если она не нравилась мужу или родне, ее могли отослать обратно в отцовский род. Значит, переход женщины в род мужа в глазах самих нивхов имел условный и иногда даже временный характер, это явление не распространялось на самое священное — родовую культ.

Ч. М. Таксами и некоторые другие авторы утверждают, что женщины, перейдя в дом мужа, становились его равноправными членами. Точнее было бы сказать — членами родовой общины, потому что, выйдя замуж, они вместе с мужьями и их родственниками образовывали родовую общину. Но важнее другое: полного равноправия (не в экономической, а в религиозно-культу-

вой сфере) не было. Так, сам же Таксами отмечает, что женщины «как чужеродки в роде мужа» отстранялись от активного участия в родовых обрядах — в кормлении воды и тайги, в медвежьем празднике⁵⁷. А ведь медвежий праздник — важнейшее событие в жизни рода. «Праздник медведя — праздник родовой, и на этом основании женщины как переменный элемент рода не присутствуют при убийстве медведя, хотя участвуют в поедании его»⁵⁸.

Следовательно, каким бы важным ни был для нивхов так называемый переход женщин в род мужа, он имел такой же формальный, условный характер, как и акт слияния двух родов, о котором пишет Л. Я. Штернберг⁵⁹. Ведь и для нивхов очевидно, что оба рода имеют различное происхождение, однако слияние их, после которого они начинают считать себя одним родом, возможно. Членами рода считались и потомки рабов, чаще всего представителей других народов, и адаптированные представители чужого рода⁶⁰. О формальном характере перехода женщины в род мужа свидетельствует следующее наблюдение Л. Я. Штернберга: «Вышедши замуж, женщина переходит в род мужа, хотя расторжение брака приводит ее опять в род отца»⁶¹. Это полностью соответствует тому, что говорила мне Вакзук.

Итак, сами нивхи рассматривали женщину в качестве члена рода мужа лишь до тех пор, пока она оставалась в его общине, жила и трудилась в ней. Чтобы женщина считалась членом рода мужа, ей необходимо было стать членом его общины, да и то с известными ограничениями — интимнейшие, священные стороны родовой жизни от нее были скрыты. Жить и трудиться в общине — вот что делало нивха членом рода. Община — условие существования родовой организации.

¹ А. И. Алексеев. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974, с. 188—189; Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. II. СПб., 1899, с. 52—54.

² Л. Я. Штернберг. Гиляки. М., 1905, с. 110.

³ См.: А. В. Смольяк. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1975, с. 155—157.

⁴ Ч. М. Таксами. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья острова Сахалина. — «Сибирский этнографический сборник». М.—Л. Т. 3, 1961, с. 105.

⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21, с. 88.

⁶ Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970, с. 281—286; А. В. Смольяк. Этнические процессы..., с. 183, 198.

⁷ Общественный строй у народов Северной Сибири, с. 287.

⁸ Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933, с. 34.

⁹ Там же, с. 6.

¹⁰ Там же, с. 50.

¹¹ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. III, СПб., 1903, с. 7.

¹² Ч. М. Таксами. Нивхи. Л., 1967, с. 24.

¹³ Там же, с. 156.

- ¹⁴ См., например: Община в Африке. Проблемы типологии. М., 1978, с. 11, 13—15 и др.
- ¹⁵ Там же, с. 18—19.
- ¹⁶ См.: там же, с. 37.
- ¹⁷ Л. Я. Штернберг. Семья и род..., с. 51.
- ¹⁸ Е. А. Крейнович. Нивхгу. М., 1973, с. 73.
- ¹⁹ А. В. Смоляк. Родовой состав нивхов в конце XIX — начале XX в.— Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974, с. 180 и др.
- ²⁰ Там же, с. 184.
- ²¹ Л. Я. Штернберг. Семья и род..., с. 111.
- ²² Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, с. 110, 377.
- ²³ В. Солярский. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916, с. 41—42.
- ²⁴ Е. А. Крейнович. Нивхгу, с. 141.
- ²⁵ Там же, с. 63.
- ²⁶ Там же, с. 464.
- ²⁷ Е. А. Крейнович. Пережитки родовой собственности и группового брака у гиляков.— Вопросы истории докалассового общества. М.—Л., 1936, с. 721.
- ²⁸ Там же, с. 717.
- ²⁹ Там же, с. 718.
- ³⁰ Там же, с. 720.
- ³¹ Там же, с. 722—723.
- ³² Там же, с. 739.
- ³³ Там же, с. 716—717.
- ³⁴ Там же, с. 740.
- ³⁵ См., например: Н. К. Бошняк. Экспедиции в Приамурском крае.— «Морской сборник». Т. 38, № 11—12, 1858, с. 189—190; Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. II, с. 117, 118, 120, 212, 233; В. Н. Васильев. Отчет по командировке к гилякам и орокам Сахалина. СПб., 1914, с. 59.
- ³⁶ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. III, с. 37.
- ³⁷ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, с. 377.
- ³⁸ А. В. Смоляк. Этнические процессы..., с. 158—159.
- ³⁹ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, с. 377.
- ⁴⁰ Там же, с. 82—108; он же. Семья и род..., с. 34—49.
- ⁴¹ См.: Общественный строй у народов Северной Сибири, с. 278.
- ⁴² А. В. Смоляк. Этнические процессы..., с. 164, 167, 222 и др.
- ⁴³ Ч. М. Таксами. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л., 1975, с. 99.
- ⁴⁴ Там же, с. 100.
- ⁴⁵ Там же, с. 101—104.
- ⁴⁶ Там же, с. 90.
- ⁴⁷ Там же, с. 93.
- ⁴⁸ Там же, с. 118 и сл.
- ⁴⁹ Там же, с. 123.
- ⁵⁰ А. В. Смоляк. Родовой состав нивхов..., с. 180.
- ⁵¹ Там же, с. 181, 183.
- ⁵² Ч. М. Таксами. Основные проблемы..., с. 72.
- ⁵³ См., например: Ч. М. Таксами. Система культур у нивхов.— «Памятники культуры народов Сибири и Севера» («Сборник Музея антропологии и этнографии»). Т. 33, Л., 1977, с. 91.
- ⁵⁴ Е. А. Крейнович. Пережитки родовой собственности..., с. 742.
- ⁵⁵ Е. А. Крейнович. Нивхгу, с. 305.
- ⁵⁶ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, с. 381.
- ⁵⁷ Ч. М. Таксами. Основные проблемы..., с. 113.
- ⁵⁸ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, с. 355.
- ⁵⁹ Там же, с. 297—299.
- ⁶⁰ Там же, с. 299—301, 359—360.
- ⁶¹ Там же, с. 353.